

для объясненія исторіи путемъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Кто не знаетъ,—воскликаетъ онъ,—что число положительныхъ выводовъ, достигнутыхъ самимъ естествознаніемъ въ сферѣ историческихъ вопросовъ, еще очень ограничено, что многіе изъ этихъ вопросовъ, несмотря даже на помощь опытныхъ естествоиспытателей, до сего времени весьма мало подвинулись впередъ? Онъ не допускаетъ также упрека, что историки сами до сихъ поръ не принимали дѣятельнаго участія въ рѣшеніи вопросовъ, въ которые входятъ естественно-научныя данныя; онъ указываетъ, напротивъ, на цѣлую обширную отрасль исторической литературы, посвященную изслѣдованіямъ относительно происхожденія различныхъ народовъ, какъ древняго, такъ и новаго міра, ихъ родовыхъ признаковъ, мѣстъ первоначальнаго пребыванія и переселеній. „Но эти изслѣдованія—въ собственномъ смыслѣ историческія, они опираются на историческія извѣстія, они произведены лишь при помощи филологіи“. Итакъ,—замѣчаетъ Кудрявцевъ,—упрекъ сводится собственно къ тому, „что исторія до сихъ поръ рѣшала свои вопросы чисто исторически“, что историки нашего времени не усвоили себѣ *физиологическихъ* приемовъ! Но какія же средства удовлетворить такому требованію? Какъ заставить исторію сдѣлаться не тѣмъ, чѣмъ она есть? Какъ хотѣть отъ нея, чтобы она усвоила себѣ приемы, ей несвойственные? Кудрявцевъ „остаётся при мнѣніи, что наука несомнѣнно много выиграетъ отъ успѣховъ новаго направленія, но что успѣхъ его не зависить непосредственно отъ самой исторіи“.

Не ограничиваясь такими общими замѣчаніями, рецензентъ пытается подробно разсмотрѣть тѣ смежныя области, въ которыхъ изученіе естественныхъ условій можетъ пролить свѣтъ на ходъ исторіи. Двѣ стороны различаетъ онъ въ вопросѣ о вліяніи природы на исторію: во-первыхъ, вопросъ о *землѣ*, о вліяніи географическихъ условій вообще. Со времени К. Риттера, принимавшаго землю за „храмину, устроенную провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго“, историки приняли обычай снабжать свои сочиненія географическими введеніями. Грановскій находилъ, однако, что самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія. „Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны, историкъ съ спокойной совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему, предметамъ и думаетъ, что вполне удовлетворить современнымъ требованіямъ науки“. „Но едва ли было бы справедливо,—возражаетъ на это Кудрявцевъ,—требовать отъ исторіи, чтобы она на всемъ своемъ движеніи черезъ данныя моменты равно неослабно слѣдила за географическими